

Певица должна уметь петь весь сопрановый репертуар

В прошлом сезоне на столичном концертном небосклоне появилась новая творческая личность – певица **Ариза БЕНИН**, которая сразу же привлекла к себе внимание публики и критики своим ярким талантом. Недавно вышел в свет первый сольный компакт-диск Аризы Бенин, который она назвала "The best for soprano". Здесь собраны действительно лучшие и сложные арии сопранового репертуара. И редко какой артист владеет такой многогранной палитрой выразительных средств, таким тонким пониманием стилей разных композиторов, какие демонстрирует эта певица. О том, как складывалась ее музыкальная карьера, о своих творческих планах Ариза Бенин рассказывает читателям газеты "КУЛЬТУРА":

– Ариза, в статьях о вас можно прочесть, что в вашей семье был своего рода культ пения.

– Действительно, сколько себя помню, в нашем доме царила музыка. Дома мы устраивали семейные концерты, где я, уже занимаясь в музыкальной школе как пианистка, пела с мамой дуэты и сама же аккомпанировала на фортепиано. Позже я уже музицировала вместе со своей младшей сестрой – Фатимой Касьяненко, которая так же, как и я, стала певицей. Фатима – солистка Донецкого оперного театра, лауреат международных конкурсов, поет за границей. В музыкальности нашей семьи нет ничего необычного, если учесть, что моя бабушка была двоюродной сестрой Сергея Яковлевича Лемешева.

– То есть вы сознательно выбрали эту нелегкую профессию певицы?

– Да, я с детства знала, что хочу учиться вокалу, готовила себя к этому. Я родилась в Грузии, городе Рустави. Там же получила первые уроки вокала – в музыкальном училище у меня была прекрасный педагог Ламара Захаровна Ёзалишвили. Во время учебы я завоевала звание лауреата I премии на Четвертом республиканском конкурсе вокалистов в Кутаиси, а затем стала лауреатом I премии на Закавказском конкурсе в Баку. И получила приглашение сразу и из Тбилисской, и из Бакинской консерваторий продолжать там свое обучение. Прочувлив год в Баку и поехала в Москву, где осуществилась моя мечта, – я поступила в Московскую консерваторию. Мне посчастливилось учиться у таких замечательных педагогов, как профессор Вера Николаевна Кудряцева-Лемешева и народная артистка СССР Елена Васильевна Образцова. А в 1992 году я стала дипломантом конкурса "Бельведер" в Вене.

А. Бенин

– Наверное, для молодой певицы столичная концертная жизнь стала источником для новых творческих поисков?

– Безусловно. Я всегда много времени отдавала посещению концертов, драматических и оперных театров, особенно Большого театра. Елена Васильевна Образцова всегда давала нам контрамарки на свои спектакли. Мы могли видеть и слышать не только ее уроки в классе, но и блистательные пение и игру на сцене. Вообще в эти годы там пели такие мастера, как Нестеренко, Касрашвили, Атлантов, Шалин, Соткилава, Калинина, Школьников, Сиянская. Я слушала спектакли с их участием, училась на них.

– А среди зарубежных певцов у вас были кумиры?

– Да. В то время это были Марио дель Монако, Мария Каллас и Рената Тебальди. В юности я, слушая их пластинки, пыталась подпевать им, копируя их манеру. Среди нынешних я бы назвала Маквалу Касрашвили – она великая оперная певица, у нее изумительный по красоте голос, потрясающая вокальная школа. Всегда стараюсь не пропустить ее выступления в Большом театре.

– В прессе всегда отмечают уникальный диапазон вашего голоса. А как бы вы сами определили свое амплуа?

– Довольно часто меня позиционируют как лирико-колоратурное сопрано. Полагаю, что это связано с тем, что в моем репертуаре имеется

партия Царицы Ночи из моцартовской "Волшебной флейты" с ее третьей октавы. Но это не совсем правильно, так как эту партию поет и крепкое сопрано. Более того, в моем концертном репертуаре – ария Сантуцци из "Сельской чести" Масканы, а это уже совсем не тесситура лирико-колоратурного сопрано: в основном эту партию поют меццо. Также в моем репертуаре партии Нормы, Иоланты, Джильды, Снегурочки, Людмилы. Особенно мне близка и любима партия Марфы из "Царской невесты".

Кстати, на Западе нет такого разделения на лирико-колоратурное и драматическое сопрано. Там в ходу универсализм – певица должна уметь петь весь сопрановый репертуар.

– Как складывалась ваша творческая карьера после окончания консерватории?

– Это был 1992 год. Тогда у нас в стране была ситуация не слишком благоприятная для искусства. Так что, когда я получила приглашение поехать поработать в Израиль – вести класс сольного пения, – то, конечно же, согласилась. Дело пошло хорошо: я сразу почувствовала, что имею к педагогике призвание. И за 6 лет преподавательской работы через "мои руки" прошло около 200 учеников. По окончании контракта я вернулась в Москву, и меня пригласили участвовать в серьезном проекте – записи серии компакт-дисков для звукозаписывающей фирмы "Private Collection Classic" под названием "The best for soprano". В настоящее время уже издан первый диск этой серии, в который входят арии из опер русских и зарубежных композиторов. Диск записан с замечательным оркестром "Musica Viva" и дирижером Линь Тао. Недавно в Оперном центре Галины Вишневской состоялась презентация этого диска. На моем сайте в Интернете www.arizabenin.ru можно послушать фрагменты аудиотреков.

Также я постоянно веду концертную деятельность в России и за ее пределами.

– В своих программах вы много внимания уделяете русской оперной классике. Какие отличительные черты русской вокальной школы?

– Я считаю, что принципы вокального исполнительства так же, как и технические приемы, одинаковы для любой вокальной школы, и я бы

не разделяла эти принципы на школы русскую, итальянскую и т.д. Но есть моменты, которые присущи только исполнению русской музыки. В первую очередь это сложности нашего языка, во-вторых, та самая "русская душа", которую нужно почувствовать, в-третьих – знание русской истории, культуры, традиций. Приведу пример: в "Царской невесте" Римского-Корсакова есть сцена сумасшествия Марфы, и у Доницетти в "Лючии ди Ламмермур" есть аналогичный момент. Так вот – русские сопрано прекрасно справляются с партией Лючии, но я не знаю ни одного примера (и даже сложно представить) исполнения Марфы зарубежной артисткой. Или, например, партия Людмилы: не знаю ни одной зарубежной певицы, исполнившей этот шедевр Глинки. А ведь русская музыка пользуется колоссальным успехом и популярностью во всем мире. Именно поэтому я всегда в своих программах стараюсь уделить должное внимание русской оперной классике – музыке, язык которой мы лучше всего понимаем.

Что касается моих программ в целом, они всегда очень насыщенные и сложные. Не думаю, что еще кто-то отважится исполнить в одном сольном двухчасовом концерте две арии Царицы Ночи, две арии Людмилы, арию Лючии и т.д. Мне говорят: "Это же безумие – ставить в один вечер такую программу..." А я получаю от этого громадное удовольствие. И публика чувствует это, и часто приходится еще петь по три-четыре биса. Кстати, только что я вернулась с гастролем в Китае, и во всех программах концертов большую часть занимала русская музыка. Также исполнила Четвертую симфонию Малера для голоса с оркестром.

– Ариза, над чем вы сейчас работаете?

– Моей давней мечтой было спеть "Аиду". Сейчас я готовлю эту партию. Хочу еще спеть "Норму", а в русской опере меня привлекает образ Татьяны из "Евгения Онегина". Ну и, конечно, звукозаписи.

Ближайшие выступления в России – в феврале планируется концерт в Кемеровской государственной филармонии, в мае – в Москве, в Концертном зале имени Чайковского.

Беседу вел
Евгения МИШИНА

Культура. – 2007. – 25 янв. – с. 16.